

Ксеркс у Геллеспонта

ВЛАДИМИР АНДЕРСЕН

Весной 480 г. до н.э. Ксеркс, готовясь к походу на Грецию, приказал своим подданным — финикийцам и египтянам — навести через Геллеспонт двойной мост, который должен был соединять Абидос на азиатской стороне пролива с Сестом на европейской стороне. Однако, когда работа была уже закончена, «поднялась сильная буря, всё это разорвавшая и изломавшая» (Hdt, VII, 34; пер. Ф.Г. Мищенко).

Рассказ Геродота о реакции персидского царя на это событие относится к числу наиболее широко известных мест из всего труда «отца истории»: «При известии об этом Ксеркс пришёл в ярость и велел дать Геллеспонту в наказание триста ударов кнутом, а в открытое море опустить пару оков (πεδέων ζεύγος). Я слышал даже, что он послал вместе с тем и палачей, накладывающих клеймо (στίγῆας), для наложения клейма на Геллеспонт. Он приказал также произносить бьющим (ῥαπίζοντας) море следующие жестокие и нечестивые слова: “О горькая вода (ὦ πικρὸν ὕδωρ)! Тебя так казнит владыка за то, что ты причинила ему обиду, не будучи обиженной им. Царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ли ты этого или нет. Видно, по справедливости никто из людей не чтит тебя жертвами, как грязную и соленую реку (θολερῶ καὶ ἀλμυρῶ ποταμῶ)”. Одним и тем же лицам приказано было наказать это море и отрубить головы людям, которые руководили сооружением мостов через Геллеспонт. Приказание было исполнено теми

лицами, на которых возложена была эта тягостная обязанность» (Hdt, VII, 35-36). Когда же через несколько месяцев через Геллеспонт был переброшен новый мост и армия подошла к проливу, то в день переправы «при восходе солнца Ксеркс делал возлияние в море из золотой чаши (ἐκ χρυσέης φιάλης) и молился солнцу о том, чтобы не случилось с ним какого-либо несчастья, которое могло бы остановить покорение Европы прежде, чем он дойдет до ее пределов. После молитвы царь бросил в Геллеспонт чашу, золотой кувшин (κρητῆρα) и персидский меч, называемый у персов “акинака” (τὸν ἀκινάκην καλέουσι). Не могу сказать достоверно, солнцу ли он посвящал эти предметы, когда погружал их в море, или же он раскаивался в том, что бичевал Геллеспонт, и потому поднес эти дары морю» (Hdt, VII, 54).

В этих двух эпизодах из «Истории» Геродота Ксеркс предстаёт перед читателем «коронованным безумцем»¹, безмерным гордецом и деспотом, буйный темперамент которого не считается даже с силой стихий. Такой образ персидского царя стал общим местом античной культуры:

Ну, а каким возвращается Ксеркс, Саламин покидая, –
 Варвар, во гневе плетьюми бичевавший и Кора и Эвра,
 Даже в Эола тюрьме того никогда не терпевших,
 Он, в кандалы заковавший и бога Энносигея?
 Этого мало: ведь он дошел до того, что решился
 Море клеймить; из богов кто ему послужить захотел бы?
 Но возвращался каким он? Один лишь корабль на кровавых
 Волнах тащился едва с своим трюмом, тяжелым от трупов.
 Вот наказаний каких столь желанная требует слава!
 (Juv., Sat., X, 179-187; пер. Ф.А. Петровского).

Как бы ни был привычен для античного и средневекового читателя такой образ Ксеркса, современному исследователю очевидно, что такое изображение царя царей является по крайней мере односторонним. «Греческая информация, которую мы имеем о характере Ксеркса... состоит из свидетельств очевидцев, которые, по всей вероятности, содержат этноцентрические предрассудки: достаточно сложно уже судить о характере и личности человека, находящегося у власти в пределах одной культуры, и почти невозможно делать подобные предположения, если у очевидца нет твёрдого знания культурных кодов и институционализированного поведения, предусмотренного в совершенно другой культуре. Знаменитый эпизод бичевания Ксерксом Геллеспонта обычно интерпретировался как доказательство жестокого и гневливого характера Ксеркса. Однако наше знание о ритуальном и религиозном поведении персидских царей настолько ограничено,

¹ REINACH S. *Xerxès et l'Hellespont* // *Revue archéologique*. Vol. VI. 1905. P. 1.

что предположение, что таким образом Ксеркс выражал свой личный гнев, достаточно рискованно, даже если Геродот чётко описывает поведение Ксеркса в этих терминах. Даже когда Геродот эксплицитно упоминает персидский обряд, это зачастую интерпретируется им как личное действие, как, например, в случае человеческого жертвоприношения, совершенное Аместридой (Hdt, VII, 114)», – пишет в своём эссе о личности Ксеркса Х. Санчизи-Верденбург².

Жертву, принесённую Аместридой³, Геродот, действительно, эксплицитно описывает как персидский религиозный обряд. Однако в «Истории» прослеживается и ряд других эпизодов (в том числе и относящихся к походу Ксеркса), имеющих несомненно культовый характер, истинный смысл которых остался непонятым Геродотом.

Так, по пути персидского войска от Сард до Абидоса к Ксерксу обратился лидиец Пифий, незадолго до этого обласканный царскими дарами (и, вероятно, принадлежавший к лидийскому царскому роду⁴) с просьбой освободить старшего из своих пяти сыновей от похода на Грецию. «Ксеркс в сильном гневе отвечал: “Как дерзнул ты, подлый человек, упоминать о твоём сыне, когда я сам иду на войну в Элладу с моими сыновьями, братьями, родственниками и друзьями, ты, раб мой, которому следовало бы идти за мной всем своим домом, вместе с женой? Знай же следующее: дух человека живет в его ушах; если он слышит доброе, то преисполняет тело наслаждением, а слышит злое – закипает гневом. Хотя ты сделал доброе дело и изъявлял готовность сделать другое подобное, но не тебе хвалиться тем, что в великодушии ты превзошел царя; когда же, переменившись, ты проявляешь наглость, то подвергнешься наказанию, не такому, какое заслужил ты, а меньшему. Узы гостеприимства спасают тебя и четырех сыновей твоих; ты будешь наказан смертью одного из сыновей, наиболее тобою любимого”. Тотчас после этого царь велел тем лицам, на которых лежала эта обязанность, отыскать самого старшего сына Пифия и рассечь его пополам, потом половины трупа положить по обеим сторонам пути, одну половину направо от дороги, другую налево, а войско должно было проходить между ними. Приказание было исполнено, и войско прошло дальше» (Hdt. VII, 39).

Для Геродота этот эпизод служит доказательством жестокости и деспотичности Ксеркса, и «отец истории» не предполагает, что казнь старшего сына Пифия могла иметь какое-либо другое значение. Однако Тит Ливий (XL, 6; пер.

² SANCISI-WEERDENBURG H. *The Personality of Xerxes, King of Kings* // Brill's Companion to Herodotus. Boston, 2002. P. 584-585.

³ Это жертвоприношение и связанное с ним жертвоприношение на Стримоне будут рассмотрены ниже.

⁴ Атис, отец Пифия, может быть идентифицирован с погибшим сыном Ксеркса Атисом: см. MACAN R.W. *Herodotus: the Seventh, Eighth and Ninth Books*. Vol. 1. London, 1908. P. 41; How W.W., WELLS J. *A Commentary on Herodotus*. Vol. 2. Oxford, 1912. P. 138.

И.И. Маханькова) рассказывает о македонском обряде при смотре войска, который проходил так: «голову разрубленной надвое собаки вместе с передней частью туловища кладут по правую сторону дороги, а заднюю часть с внутренностями — по левую. Между половинами жертвенного животного проводят вооружённое войско. Впереди несут прославленное оружие всех македонских царей от самого начала царства. Далее следует сам царь с детьми, за ним — царский отряд и телохранители, а замыкает шествие остальное войско». Подобный же обряд описывает и Курций Руф (X, 9, 12; пер. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского): «Цари македонские обычно производили проверку своего войска так: в конце поля, на которое выводится войско, с двух сторон бросают внутренности зарезанной собаки, а внутри этого пространства становятся все вооружённые: с одной стороны конница, с другой — фаланга». О. Массон⁵ прослеживает хеттский ритуал очищения войска, в котором использовались жертвоприношения как животных, так и человека, и приходит к выводу, что подобный обряд «входил в магически-религиозный обиход достаточно большого числа народов»⁶. Нет сомнений в том, что аналогичный ритуал лежит в основе рассказа Геродота о судьбе сына Пифия.

Как и в случае с жертвоприношением сына знатного лидийца, для Геродота остаётся непонятым смысл действия, которое совершает Ксеркс у города Каллатебы в Лидии: «Ксеркс пошёл этой дорогой и здесь нашёл платановое дерево, которое за красоту одарил золотым украшением и поручил попечению стража из числа “бессмертных”» (Hdt., VII, 31). Более красочный рассказ об этом эпизоде встречается у Элиана (Var. Hist. II, 14; пер. С.В. Поляковой): «Дики были поступки царя Ксеркса: он не обращал внимания на море и землю, творения Зевса, и создал для себя невиданную дорогу и небывалую переправу, но был рабом платана и обожателем этого дерева. Рассказывают, что, увидев в Лидии высокий платан, ради того чтобы любоваться им, царь в пустыне разбил свой лагерь и целый день провёл там. Он украсил платан дорогами уборам, ожерельями, браслетами и оставил при нем, как при возлюбленной, сторожа». Слово «возлюбленная», употреблённое Элианом, заставляет вспомнить, что «даже в эпоху Плиния один благородный римлянин именно так обращался с прекрасной березой в другой священной роще Дианы на Альбанских холмах. Он обнимал и целовал ее, лежал в ее тени и поливал вином ее ствол. Этот римлянин явно принимал дерево за богиню. Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах»⁷.

⁵ MASSON O. *A propos d'un rituel hittite pour la lustration d'une armée: le rite de purification par le passage entre les deux parties d'une victime* // Revue de l'Histoire des Religions, vol. 137. 1950. P. 13-25.

⁶ WEST S. *And It Came to Pass That Pharaoh Dreamed: Notes on Herodotus 2.139, 141* // The Classical Quarterly. Vol. 37, No. 2, 1987. P. 266.

⁷ ФРЕЗЕР Дж. Дж. *Золотая ветвь*. М., 2006. С. 17.

Несомненно, в эпизоде, рассказанном Геродотом, Ксеркс совершает ритуал, связанный с теми многообразными культурами священных деревьев, которые блестяще рассмотрены Дж. Дж. Фрезером в «Золотой ветви»⁸.

Представляется весьма вероятным, что в число подобных персидских магических обрядов, непонятых Геродотом, входят и действия, предпринятые Ксерксом по отношению к Геллеспонту. Впервые интерпретировал рассказ «отца истории» таким образом Ф. Шпигель⁹, который считал, что тот ритуал, который Геродот понял как бичевание пролива, в действительности представлял собой обряд, в котором маги выполняли пассы своими жезлами. Сути этого обряда Шпигель, однако, не объяснил.

Особое внимание исследователей привлекло загадочное погружение оков в Геллеспонт. По мнению О. Мюллера¹⁰, Г. Штейна и др., само появление «оков» в тексте Геродота — следствие непонимания «отцом истории» метафоры в «Персах» Эсхила, которыми Геродот пользовался как источником. В «Персах» тень Дария говорит о Ксерксе:

Сын же мой, того не видя, юной дерзостью блеснул:
Геллеспонта ток священный, божий Боспора поток,
Он связать решил цепями, как строптивного раба,
И, ярмом оков железных (πέδαις σφυρηλάτοις) преградив теченью путь,
Многочисленному войску путь широкий проложил. (Pers., 744-748)

В качестве «оков» в тексте Эсхила выступают сами мосты, протянутые над Геллеспонтом. У Геродота же вместе бичевание, погружение оков и «клеймение» (операция, невозможная чисто технически — подразумевать ли здесь выжигание или выкалывание клейма¹¹) должны были показать, что персидский царь ведёт себя по отношению к Геллеспонту так же, как он вел бы себя с беглым рабом. П. Пердризе, однако, замечает, что в этом эпизоде Ксеркс ведёт себя так, как вел бы себя с беглым рабом грек, а не перс. Следовательно, весь этот эпизод, полагает французский исследователь, выдуман греком для греческой аудитории¹².

⁸ К такому же выводу приходит и Ф. Стаббингс, посвятивший сюжету о Ксерксе и платане отдельную работу: STUBBINGS F. H. *Xerxes and the Plane-Tree // Greece & Rome*, Vol. 15 (44), 1946. P. 63-67. В то же время Стаббингс неубедительно объясняет причины возникновения религиозного чувства у персидского царя по отношению к платану следующим образом: «Для примитивного разума и простого сердца такие дары природы, как вода или тенистые деревья на сухой, каменистой земле неизбежно вызывают чувства благоговения и поклонения» (Ibid. P. 65).

⁹ SPIEGEL F. *Eranische Altertumskunde*. Bd. II. Leipzig, 1873. S. 191.

¹⁰ MÜLLER O. *Kleine Schriften*. Bd. II, S. 77.

¹¹ Словарь Суды (v. στίγμας) поддерживает последнюю точку зрения. Обсуждение техники клеймления в античном мире: JONES C. P. *Stigma: Tattooing and Branding in Graeco-Roman Antiquity // JRS*, Vol. 77. 1987. P. 139-155.

¹² PERDRIZET P. *La légende du châtement de l'Hellespont par Xerxès // Revue des Études Anciennes*, Vol. 14, No. 4. 1912. P. 360.

Если в рассказе о наказании Геллеспонта клеймение пролива заведомо невероятно, то, с другой стороны, заслуживающей доверия выглядит картина бичевания пролива и те слова, которые при этом произносят палачи Ксеркса¹³.

На том, что погружение оков в Геллеспонт — не просто *cas littéraire*, основанный на непонимании источника, а важнейший элемент ритуала, который персидский царь приказал провести у Геллеспонта, настаивает выдающийся французский исследователь античности С. Рейнак, чья гипотеза относительно интерпретации действий Ксеркса у Геллеспонта и по сей день остаётся общепризнанной. Кратко изложить выводы исследователя можно следующим образом: цепи, брошенные в Геллеспонт, должны были символизировать брак с морем (Рейнак приводит весьма оригинальную параллель с обрядом венчания с морем венецианских дождей); бичевание пролива — одновременно обращение к стихии и магический обряд, облегчающий заключение союза с ней¹⁴.

При анализе действий Ксеркса по отношению к Геллеспонту исследователи, уделяя внимание истории с наказанием Геллеспонта, зачастую упускают из вида то, что этот эпизод тесно связан с тем ритуалом, который Ксеркс лично проводит в день перед переправой через мост над проливом (текст этих двух отрывков дан выше). Прежде всего загадочен контраст между поведением Ксеркса, когда, гневаясь на пролив, он приказывает его бичевать, и почтительным приношением ему жертвы. Объяснение, которое предлагает Геродот — якобы Ксеркс, «раскаившись, что приказал бичевать Геллеспонт, принёс за это искупительные дары морю» — не выглядит убедительным.

Однако более интересно то, что в рассказе о приношении жертвы проливу¹⁵, ключевую роль играет погружение в Геллеспонт вотивных предметов — золотой чаши, золотого кубка и акинака. Характерно, что на рельефе, украшающем восточный фасад дворца Ападаны в Персеполе (первая половина V в. до н.э.¹⁶), делегация мидийцев¹⁷, приносящих дань царю, несёт именно те предметы, о ко-

¹³ Отмечается «истинно иранский характер обращения к Геллеспонту», см.: STEIN H. *Herodotus, erklärt*. Berlin, 1856-1861. Bd. IV. S. 726. Представляется, что это важный аргумент в пользу аутентичности этой «магической формулы». Ниже мы дадим свою интерпретацию этого эпизода.

¹⁴ См. REINACH. *Op. cit.*

¹⁵ Так как вотивные предметы погружаются именно в Геллеспонт, разумно считать, что именно пролив и его божество являются адресатом приношения.

¹⁶ Датировку и описание см. STRONACH D. *Apadāna // Encyclopaedia Iranica*, Vol. I. 2004. P. 145-148.

¹⁷ Т.е. наиболее близко родственных персам народа. Однако следует помнить, что принятая атрибуция народов, изображенных на рельефах из Ападаны, основывается на доверии к сообщению Геродота о том, что собственно персы освобождены от дани, которую должны приносить все подчинённые персидскому царю народы. В то же время сам Дарий в Бехистунской надписи (1.6f) и надписи E из Персеполя (2) утверждает, что персы приносили дань наравне с другими народами, см. KIMBALL ARMAYOR O. *Herodotus' Catalogues of the Persian Empire in the Light of the Monuments and the Greek Literary Tradition // Transactions of the*

торых говорит Геродот: чашу, кубок и акинак (*рис. 1*). Несмотря на то, что неизвестно в точности, какого именно характера дань приносят делегаты различных народов, без сомнения, все эти предметы имеют культовое значение: ср., напр., изображения делегации из Суз, на которых в качестве дани представители несут львят, появление которых нельзя объяснить другими соображениями, кроме культовых). Полное совпадение приведенных выше отрывков из текста «отца истории» с изображением из Ападаны позволяет предположить, что эти предметы могли использоваться вместе для проведения обряда, причем, вероятно, учитывая специфику их сочетания, только определённого рода¹⁸.

Рис. 1. Рельеф из Ападаны. Делегация мидийцев. Деталь.

Пролить свет на характер обряда, проведённого Ксерксом, позволяет ряд свидетельств о жертвоприношениях македонского царя Александра Великого, о которых рассказывает в «Анабасисе Александра» Арриан. При переправе через Геллеспонт в 334 г. до н.э. Александр, «выйдя из Элеунта, высадился в “Ахейской гавани”»: он сам правил при переезде адмиральским кораблём и, доплыв до середины Геллеспонта, заколол быка в жертву Посейдону и nereидам и совершил воз-

American Philological Association, Vol. 108. 1978. P. 6.

¹⁸ Кроме того, представители делегации мидийцев наряду с чашей, кубком и акинаком несут также браслеты. Пожалуй, будет чересчур смелым предположением идентифицировать эти браслеты с «оковами» в тексте Геродота, хотя появление браслетов с кубком, чашей и акинаком в одном визуальном ряду (и в религиозном контексте) на рельефе из Ападаны может служить аргументом в пользу этой точки зрения. В таком случае погружение «оков» в Геллеспонт могло быть, как и погружение других трех предметов, votивным приношением божеству, и тогда они могли быть погружены в Геллеспонт не во время его бичевания, а непосредственно перед переправой, вместе с другими приношениями проливу.

лияние в море из золотой чаши» (Arr. Anab., I, 11, 6; пер. М.Е. Сергеенко). По-видимому, такую же жертву македонский царь принёс в начале 325 г. до н.э., после того как из устья Инда выплыл в открытое море: «Он заколол здесь быков Посейдону и опустил их в море; после этого жертвоприношения совершил возлияние, а золотой фиал и золотые кратеры как благодарственную жертву бросил в воду, молясь о том, чтобы бог в целостности провёл его флот, который он решил отправить с Неархом в Персидский залив, к месту впадения Евфрата и Тигра» (Arr. Anab., VI, 19, 6; ср. также жертвы Александра на Гидаспе: Arr. Ind., 18, 11; Arr. Anab., VI, 3, 1). Несомненное сходство этих ритуалов с обрядом, выполненным Ксерксом при переправе через Геллеспонт, заставляет Г.У. Инстински полагать, что место и форма жертвоприношений были вдохновлены чтением «Истории» Геродота и должны были имитировать действия Ксеркса с целью заручиться поддержкой тех же самых богов, которым приносил свои жертвы персидский царь¹⁹. Однако тезис Инстински о том, что Александр лично определял ритуалы в своём войске и моделировал их (особенно те, от которых зависел исход военной операции) на основе текста Геродота, выглядит довольно наивным; к тому же «нет оснований полагать, что Александр вообще читал Геродота»²⁰. Гораздо более вероятно предположить, что здесь мы можем проследить (как и в приведенном выше случае ритуала прохождения войска через разрубленные части жертвы) ритуал, схожий в религиозной практике как персов, так и македонцев.

По В.Я. Проппу²¹, «все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды». Переправа, как один из «ритуалов перехода» семантически тесно связана с ритуалом смерти. На это же указывает ключевой момент в жертвоприношениях Александра – жертва быка Посейдону (или Посейдону и nereидам). Бык выступает здесь как жертва (в этом аспекте культ быка – приносимого в жертву бога – наиболее ярко проявляется на Крите), чья ритуальная смерть должна облегчить процесс перехода²². В то же время

¹⁹ INSTINSKY H.U. *Alexander der Grosse am Hellespont*. Godesberg, 1949.

²⁰ TARN W.W. *Alexander the Great*. Т. 1. Cambridge, 1948. P. 86; см. также: WALBANK F. W. *Review: Alexander der Grosse am Hellespont by H. U. Instinsky* // JHS, Vol. 70. 1950. P. 79-81.

²¹ Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. М., 1986. С. 286.

²² Несомненная связь быка с ритуалом переправы восходит, вероятно, ещё к доисторическим временам: см. ИВАНОВ В.В. *Бык* // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 203. В своём анализе этимологии топонима «Боспор» – «коровий брод» – ведущий исследователь религиозных культов античного Северного Причерноморья И.Ю. Шауб приходит к выводу, что в основе предания о переходе Ио в образе коровы через брод, впоследствии названный Боспором, лежит стадильно более раннее предание о переходе через водную преграду лани, восходящее к тотемическому образу лани-олени, см.: ШАУБ И.Ю. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э.* СПб., 2007. С. 61. Ср. анализ образа олени (в том числе выражения «обернулся оленем») у Проппа, который также считает представление об олене как о медиаторе при ритуалах перехода одним из древнейших (наряду с подобным представлением о птице: Пропп. Ук. соч. С. 287). Бык как символ

Посейдон выступает в этом обряде, безусловно, в одном из своих архаических образов – божества смерти²³. Тесно связаны со смертью и упомянутые Аррианом nereиды, которые «имели весьма близкое отношение к Ахиллу, божеству, связанному как с морем, так и со смертью... особенно явственно прослеживается эта связь в Северном Причерноморье»²⁴. Безусловно, эти архаические представления были выражены в македонских обрядах, которые, как показано выше, мало изменились с течением времени; однако не исключено, что и сам Александр отчасти воспринимал свой поход в Азию как своего рода переход в потусторонний мир²⁵.

мужского начала тесно связан с Великим женским божеством, что на критском материале блестяще продемонстрировал И.Ю. Шауб (Шауб И.Ю. Ук. соч. С. 204-208); роль Великой богини является ключевой при процессах перехода.

²³ Об этом говорит, например, функция Посейдона как «колебателя земли», общая для Посейдона и Аида связь с конями (ср. эпитет κλυτόπωλος у Аида: П. V, 654; XI, 445; и у Посейдона: Pind. fr. 289; эта связь не вполне убедительно оспаривается в: VERRALL A.W. *Death and the Horse* // JHS, Vol. 18. 1898. P. 1-14), тесная ассоциация между морем и загробным миром, характерная для значительного числа примитивных культур (см.: ПЕТРУХИН В.Я. *Загробный мир* // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 452-456).

²⁴ ШАУБ И.Ю. Ук. соч. С. 388; см. также: БЕЛОУСОВ А.В. *Нереиды и культ Ахилла на Боспоре* // Боспорский феномен. № 7. Ч. 1. 2007. С. 30-35.

²⁵ Такую точку зрения иллюстрирует любопытный рассказ о ритуале переправы, проведённом Калигулой, переданный Светонием и Дионом Кассием: «Он перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским моллом, длиной почти в три тысячи шестьсот шагов: для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги» (Suet. Gaius, 19, 1). «Когда всё было готово, он надел доспех Александра (во всяком случае, так он уверял), а поверх него – пурпурную шёлковую хламиду, украшенную множеством золота и россыпью драгоценных камней из Индии; кроме того, он подпоясался мечом, взял щит и украсил себя венком из дубовых листьев. Затем он принёс жертву Нептуну, некоторым другим богам и Зависти (для того, чтобы, как он сказал, его никогда не сопровождала зависть), и вошёл на мост со стороны Байев, взяв с собой множество вооружённых всадников и пехотинцев, и он яростно ринулся к Путеолам, как если бы он преследовал врага. Там он оставался в течение следующего дня, словно бы отдыхая от битвы; затем, надев расшитую золотом тунику, он переехал через мост в обратном направлении в колеснице, ведомой скаковыми лошадьми, много раз побеждавшими в состязаниях. За ним последовал длинный кортеж, несущий то, что должно было изображать военную добычу, в том числе и Дарий из семейства Арсакидов, бывший одним из парфянов, которые жили в то время в Риме в качестве заложников. Его друзья и приятели в украшенных цветами платьях ехали в повозках следом, а за ними шло войско и оставшаяся часть толпы: каждый был одет по собственному вкусу. Конечно, во время такой кампании и после такой блестящей победы он должен был произнести речь; поэтому он поднялся на площадку, которая была воздвигнута на кораблях рядом с центром моста. Сперва он превознес себя как вершителя великих дел, а затем восхвалил солдат, которые претерпели великие лишения и опасности, особенно отметил их достижение, что они пересекли море пешком. За это он дал им денег, а после этого они пировали остаток дня и все ночь, он на мосту, словно на острове, они же на других судах, стоявших на якоре вокруг» (Cass. Dio., LIX, 17, 1-8). Помимо очевидной инсценировки похода Александра (жертва Нептуну, доспех македонского царя, «пленение» Дария; см. MALLOCH S.J.V. *Gaius' Bridge at Baiae and Alexander-Imitatio* // The

В жертвоприношении Ксеркса у Геллеспонта персидский царь не приносит жертвы животного, ограничиваясь только возлиянием и погружением в море священных предметов. Однако семантическое сходство ритуалов, проведённых Ксерксом и Александром перед переправой, не оставляет сомнений в том, что оба обряда имеют общую религиозную основу. Кроме того, браслеты (см. прим. 18), оружие (особенно акинак) и разные типы чаш характерны для погребений на Ближнем Востоке²⁶. Таким образом, комплекс предметов, принесённых в качестве жертвы Геллеспонту, сам по себе имеет тесную связь с загробным миром.

Не менее интересен и рассказ Геродота об ещё одном жертвоприношении, которое персы во время похода Ксеркса на Грецию принесли и у другой важнейшей водной преграды на своём пути – реки Стримона в Северной Греции. Так Геродот рассказывает: «Миновав пеонов, доберов и пеоплов, живущих к северу от Пангея, Ксеркс пошёл дальше на запад, пока не достиг реки Стримона и города Эиона... Область, лежащая вокруг горы Пангея, называется Филлидой; на северо-западе она простирается до реки Ангита, впадающей в Стримон, а на юго-западе до самого Стримона; этой реке маги принесли жертву, умертвив над ней белых лошадей.

Совершив над этой рекой эти и многие другие жертвенные священнодействия, персы прошли подле “Девяти путей”, что в земле эдонян, через мосты, которые уже были положены на Стримоне. Узнав, что местность эта называется “Девятью путями”, персы закопали здесь в землю девять юношей и столько же девушек из местного населения. Живых закапывать в землю в обычае у персов. Так, я слышал, что и жена Ксеркса Амстрида велела закопать в землю дважды семь персидских юношей знатного происхождения в честь божества, которое помещают под землей, в благодарность за достижение глубокой старости» (Hdt. VII, 113-114).

Переправу через Стримон отличает двойная жертва; вероятно, это связано с культовым значением Стримона, считавшегося священной рекой (Aesch., Pers., 497) и границей царства Пеласга (Aesch., Suppl. 254-259). Здесь перед переправой персы приносят в жертву белых коней – для коня, как и для быка, характерна роль медиатора между мирами, и символ коня тесно связан с многочисленными ритуалами перехода²⁷; после же завершения перехода приносится человеческое жертвоприношение, типичная функция которого – попытка умиловить духи предков²⁸ (практически об этом же пишет и сам Геродот)²⁹.

Classical Quarterly. New Series, Vol. 51, No. 1. 2001. P. 206-217), обращает на себя внимание тот факт, что композиция этого рассказа полностью совпадает с традиционными ритуалами “переправы” в подземное царство: вероятно, с мистической точки зрения, поход Александра уже в I в. н.э. мог мыслиться как путешествие в загробный мир.

²⁶ О культе акинака – «наиболее священного оружия» у скифов см. ШАУБ И.Ю. Ук. соч. С. 133-145.

²⁷ См., напр.: ИВАНОВ В.В. *Конь* // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 666.

²⁸ См. классическое исследование Э. Роде: RODE E. *Psyche*. Tübingen, 1902.

²⁹ Какие бы ни были основания у персов опасаться гнева духов при переходе через Стри-

Сказанное выше показывает, что тот ритуал, который Ксеркс исполнил перед началом переправы через Геллеспонт, находится в тесной связи с рядом других известных нам ритуалов, связанных с переправой через водную преграду, и представлял собой жертву подземным богам³⁰. Тем не менее остаётся открытым вопрос, каким образом интерпретировать второй ритуальный эпизод, связанный с переходом Ксеркса через Геллеспонт – бичевание пролива.

Велик соблазн принять объяснение Рейнака, согласно которому бичевание пролива выполняет ту же функцию, что ритуальные удары по земле во время праздников плодородия — т.е. призыв подземных богов³¹. Такое объяснение было бы вероятно, если бы этот ритуал непосредственно предшествовал возлиянию в честь хтонических божеств. Однако, если верить Геродоту, между бичеванием Геллеспонта и переправой Ксеркса прошло несколько месяцев, и тогда эта «настойчивая просьба к гениям земли обратить своё внимание»³² не имеет смысла.

Рискнём дать другое предположение относительно того, как можно интерпретировать ритуал бичевания Геллеспонта. Ключ к этой интерпретации, на наш взгляд, лежит в тех словах, которые произносились при проведении магического обряда. По Геродоту, акцент в ритуальной формуле делается на *нечистоте* воды пролива: «О, горькая³³ вода!.. По справедливости никто из людей не чтит тебя жертвами, как *грязную и соленую реку*»³⁴. Широко известно, что главная функция бичевания человека, встречающегося в культурах инициации у различных народов — ритуальное очищение³⁵. Неудивительно, что Ксеркс, желая изгнать из пролива злой дух, погубивший

мон, с точки зрения греков они были оправданы. В рассказе Эсхила (Pers., 498-508) о катастрофическом отступлении персов через Стримон (которое А.Р. Берн остроумно сравнивает с отступлением Великой Армии Наполеона через Березину) именно при переправе через эту реку персы становятся жертвами гнева богов.

³⁰ А также, вероятно, Великой богине: по Геродоту, жертву у Геллеспонта и у Стримона персы приносили Митре; у Геродота Митра – женское божество, ассоциирующееся с греческой Афродитой (Hdt. I, 131).

³¹ REINACH, Op. cit. P. 9.

³² Ibid.

³³ Или «смадная»; ср. πικρὰ ὄσμη в Od. IV, 406.

³⁴ Если в этой фразе нет магического смысла, то она абсурдна, как отмечает Г. Иммервар: «Ксеркс... называет Геллеспонт грязной и соленой рекой. Это высокомерие, но вместе с тем и заблуждение: ведь Геллеспонт – не река, а часть моря, и поэтому его вода и должна быть соленой. Ксеркс ведёт себя не только как деспот, но и как слепец»: IMMERWAHR H.R. *Historical Action in Herodotus* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 85. 1954. P. 28.

³⁵ Ср. лат. *castigo* «бичевать» от *castus* «чистый, непорочный». В описании культа Митры Ф. Кюмон отмечает, что жертвоприношения этому богу «должны предшествовать или они должны сопровождаться обычными возлияниями сока Хаомы (инд. сомы – В.А.) и произнесением ритуальных молитв с пучком прутьев (барсман) в руке. Но прежде чем

людей и противящийся его планам (в магической формуле он определяется как горечь, грязная и соленая вода — в противоположность чистой и пресной)³⁶, предписал Геллеспонту ритуальное очищение бичеванием — вероятно, единственно возможное в данных условиях (традиционные формы ритуального очищения у персов включали в себя также очищение огнём или водой; в случае с проливом применять любую из этих двух форм очищения, разумеется, было бы абсурдно)³⁷.

Xerxes at the Hellespont

VLADIMIR ANDERSEN

By analyzing the text of the Herodotean legend of Xerxes' crossing of Hellespont, the author argues that Herodotus' story reflects two different Persian rituals. One ritual was an offering to the gods of the Underworld (and, probably, the Great Goddess), while the other (the famous "Scourging of Hellespont") was meant to chastise the strait, believed by Persians to have been defiled by the Evil One.

получить позволение приблизиться к жертвеннику, верующий должен очистить себя многократным омовением и бичеваниями» (Кюмон Ф. *Мистерии Митры*. СПб, 2000. Р. 19). С. Рейнак (REINACH. ОР.СІТ. Р. 8) упоминает ритуальное бичевание в контексте бичевания Геллеспонта, говоря, что его цель — «передать бичуемому предмету часть святости и магической силы, которая находится в орудии, применяющемся для этого обряда» (Ibid.). Однако, концентрируясь на формальном процессе передачи «маны», Рейнак игнорирует общий смысл ритуала.

³⁶ Соленая и непригодная для питья вода, согласно поздним зороастрийским текстам, становится такой, поскольку осквернена Ариманом, см. BURN A.R., *Persia and the Greeks: The Defence of the West*. С. 546- 478 В.С. New York, 1962. P. 321.

³⁷ Н. Тердзаги (TERZAGHI N. *Die Geisselung des Hellespontos* // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 8. 1908. S. 145-150), основываясь на древнеиндийском материале и весьма элегантных (хотя и спорных) параллелях со средневековыми итальянскими поверьями, схожим образом интерпретирует бичевание Геллеспонта как изгнание из воды пролива злых морских духов. Однако Тердзаги видит в бичевании лишь вариант «ритуального удара» (что, впрочем, отчасти подтверждается значением употреблённого Геродотом термина $\rho\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\omega$) и сравнивает бичевание Геллеспонта, например, с освобождением злых духов Моисеем, когда тот, насылая первую казнь на Египет, ударяет своим посохом по воде, отчего «вся вода в реке превратилась в кровь» (Исх. 7:20). На наш взгляд, этот эпизод имеет лишь внешнее сходство с ритуалом бичевания Геллеспонта, не несёт характер специфического магического действия жезлом (ср. Исх. 8:24, 9:8, 9:22, 10:12 и др.) и, что самое важное, совершенно противоположен ритуальному бичеванию по эффекту. Несмотря на то, что последнее можно объяснить *coincidentio oppositorum*, правильнее здесь, с нашей точки зрения, воздержаться от излишней генерализации.